

Неделя - 1940 - 12 - 18 ноября (МС) - с. 10-11

В

ТЕСНОМ круге высшего российского дворянства родственные узы и знакомства связывали подчас самых разных людей.

Л. Н. Толстого, почти безвыездно жившего в Ясной Поляне, и П. А. Столыпина, находившегося на вершине власти, соединила память об Аркадии Дмитриевиче Столыпине.

Л. Н. Толстой и А. Д. Столыпин подружились во время Крымской войны. Аркадий Дмитриевич бывал в Ясной Поляне. Лев Николаевич знал его сыновей. Постепенно, однако, произошло отдаление. Аркадий Дмитриевич иронически относился к духовным исканиям своего друга, к его попыткам сблизиться с народом и приобщиться к крестьянскому труду. Развевало их и то, что, оказавшись в должности коменданта Кремлевского дворца, А. Д. Столыпин сблизился с придворными верхами. Толстой же все более выходил из того круга, к которому принадлежал по рождению.

И в течение ряда лет Толстой, судя по всему, не поддерживал отношений со Столыпиными. Видимо, с большим опозданием узнал и о назначении П. А. Столыпина на пост министра внутренних дел. Судя по «Яснополянским запискам» доктора Д. П. Маковицкого, в окружении Толстого только 10 июня 1906 года кто-то упомянул о братьях Столыпиных — Петре (министре) и Александре (журналисте, сотруднике «Нового времени»).

С этого времени Толстой стал интересоваться деятельностью П. А. Столыпина.

ПРИГЛЯДЫВАЯСЬ к государственной деятельности Столыпина и многое в ней не одобряя, Толстой решил, что этот молодой человек потому так много ломает дров, что не знает учения о «едином налоге». Отсюда и родилась мысль написать ему письмо и познакомиться с учением Генри Джорджа.

Главную несправедливость современно-го ему общества Толстой усматривал в существовании частной собственности на землю. Он считал, что «как не может существовать права одного человека владеть другим (рабство), так не может существовать права одного, какого бы то ни было человека, богатого или бедного, царя или крестьянина, владеть землей как собственностью». «Земля есть достояние всех, и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею». Наилучшее средство устранения существующей несправедливости, утверждал Толстой, — введение «единого налога» по теории Генри Джорджа. «Только начните это дело, — писал Толстой Столыпину, — и Вы увидите, как тотчас же примкнут к Вам все лучшие люди всех партий; с Вами же будет все стомиллионное крестьянство, которое теперь враждебно Вам».

К письму была приложена книга Г. Джорджа «Общественные задачи» и брошюра Толстого «Письмо крестьянину о земле». Кроме того, Толстой писал, что Столыпин, если захочет подробнее узнать об учении Г. Джорджа, может побеседовать с С. Д. Николаевым, переводчиком и знатоком его работ.

Чтобы лучше понять Толстого, необходимо коротко сказать об учении Генри Джорджа. Американский экономист и религиозный проповедник не был социалистом и противником капиталистического способа производства. Наоборот, он считал, что капитал и труд — союзники, имеющие общего врага — землевладельца. Последний облагает данью все общество. И эта дань становится все тяжелее. Земледелец не обрабатывает землю сам, а сдает ее в аренду. По мере увеличения плотности населения растет арендная плата. В конце концов она достигает таких размеров, что оставляет земледельцу только средства, необходимые для поддержания его существования. Земледелец не может ни вложить дополнительные капитал в арендуемую землю, ни произвести какие-либо другие улучшения в своем хозяйстве. Конфискация земли у землевладельца и разделение ее поровну между всеми не решит проблему, считал Г. Джордж. Из массы мелких землевладельцев вновь выделяются крупные, которые стянут землю в свои руки и начнут грабить общество. Поэтому единственный выход — обложение земли налогом, равным земельной ренте. Такая мера в конце концов сметет частное землевладение, передаст земельную ренту в руки государства, то есть всего общества, и позволит отменить все другие налоги.

Скорее всего, в этой теории Толстого

подкупили три момента. Во-первых, своим острием она была направлена против крупного землевладения. Именно оно должно было в первую очередь пасть при введении «единого налога». Мелкое землевладение долгое время могло таковым и оставаться. Толстой, например, считал, что теория Генри Джорджа не противоречит передаче по наследству мелких участков. Во-вторых, большое значение для Толстого имело то, что теория «единого налога» не предусматривала принудительных конфискационных мер, которые неизбежно создавали бы обстановку насилия. В-третьих, учение Г. Джорджа, в критической своей части, довольно точно отображало обстановку в пореформенной России.

В теории Г. Джорджа Толстого, по-видимому, привлекало также и то, что вве-

средств существования. Письмо к П. А. Столыпину было еще не окончено, а вопрос об Юшко не мог быть отложен. Поэтому Толстой послал короткую записку А. А. Столыпину с просьбой похлопотать перед братом за арестованного.

Ответ Александра Столыпина пришел в конце августа 1907 г. Он извинялся за задержку («все эти дела вершатся так медленно») и сообщал, что относительно Юшко получена «благоприятная весть». К письму была приложена «записка для памяти» министра внутренних дел: «Юшко приказано из тюрьмы выпустить. Дальнейшее покажет дознание».

Получив пакет от А. А. Столыпина, Толстой решил выяснить через него о судьбе своего письма к его брату, которое он написал почти два месяца тому назад. «Брат ваш не отвечал мне, что мне было неприятно и вызвало во мне поднимавшееся недружелюбное чувство, которому я не даю и не дам хода, но мне это больно», — писал он А. А. Столыпину 24 авгу-

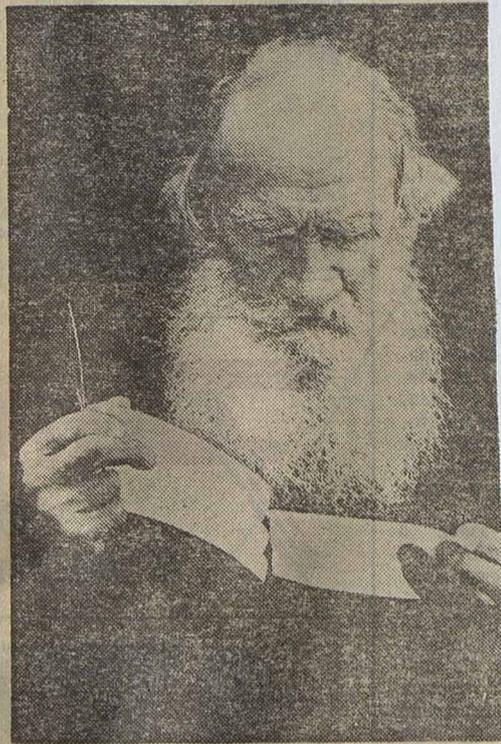
старе наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным.

А это достижимо только при свободном приложении труда к земле, т. е. при наличии права собственности на землю... Теперь я не вижу цели у нас в России сгонять с земли более развитый элемент землевладельцев и, наоборот, вижу несомненную необходимость облегчить крестьянину законную возможность приобрести нужный ему участок в полную собственность...

Впрочем, не мне Вас убеждать, но я теперь случайно пытаюсь объяснить Вам, почему мне казалось даже бесполезным писать Вам о том, что Вы меня не убедили. Вы мне всегда казались великим человеком, я про себя скромного мнения. Меня вынесла на верх волна событий — вероятно на один миг! Я хочу все же этот миг использовать по мере моих сил, пониманий и чувств на благо людей и моей родины, которую люблю, как любил ее в старину... А Вы мне пишете, что я иду по

Лев Толстой — Петру Столыпину:

ВАША ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГУБИТ ВАШУ ДУШУ

дение «единого налога» предполагало отмену косвенного налогообложения (на соль, спички, керосин), наиболее разорительного для народа, ликвидацию казенной винной монополии, которая позволяла государству спаивать своих граждан. Наконец, должны были отпасть и чисто сословные привилегии дворянства в области налогообложения. Например, низшие органы администрации (сельское и волостное управление), к услугам которых прибегали люди всех сословий, содержались исключительно за счет крестьян.

КОГДА Толстой работал над письмом к П. Столыпину, он получил слезное письмо жены одного из своих последователей, ветеринарного врача А. В. Юшко. В период революции саратовский ветеринар действовал не вопреки в духе толстовства: он примкнул к революционному Крестьянскому союзу, вследствие чего попал в тюрьму, а его семья осталась без

ста 1907 года. Конечно, говорилось далее в письме, председатель Совета Министров завален текущими делами, и ему вовсе не хочется отвлекаться на дело, которое выглядит «фантастичным», но «ведь важно не то, чтобы удержать существующий порядок». «Это не только не важно, но это вредно, — подчеркивал Толстой, — а важно то, чтобы содействовать, служить закону, добру, вечному движению человечества».

На этот раз ответ пришел очень быстро — 2 сентября. Передавая свой разговор с братом, А. А. Столыпин писал: «По существу дела об уничтожении собственности на землю он говорил, как о совершенно невыполнимом перевороте, и это тем более естественно, что он теперь фанатически захвачен надеждою поставить Россию на путь благосостояния созданием и укреплением мелкой собственности, т. е. идею, противоположную вашим мыслям». К письму была приложена записка П. А. Столыпина: «Милый Саша. Если будешь отвечать Л. Н. Толстому, напиши ему, пожалуйста, что я не невежа, что я не хотел наскоро отвечать на его письмо, которое меня, конечно, заинтересовало и взволновало, и что я напишу ему, когда мне станет физически возможно сделать это продуманно».

П. А. Столыпин исполнил свое обещание 23 октября 1907 года. Ответ был немногословным. Сжато и выпукло Столыпин показывал суть своих расхождений с Толстым:

«Природа вложила в человека некоторые врожденные инстинкты, как то: чувство голода, половое чувство и т. п. и одно из самых сильных чувств этого порядка — чувство собственности. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своею землею.

Искусственное в этом отношении скопление нашего крестьянина, уничтожение в нем врожденного чувства собственности ведет ко многому дурному и, главное, к бедности.

А бедность, по мне, худшее из работ. Смешно говорить этим людям о свободе или о свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той по крайней

дороге злых дел, дурной славы и, главное, греха. Поверьте, что, ощущая часто возможность близкой смерти, нельзя задумываться над этими вопросами, и путь мой мне кажется прямым путем».

ПИСЬМО Столыпина было получено в Ясной Поляне 28 октября. «Письмо скромное. Конец трогательный. У Льва Николаевича дрожал голос, когда его читал», — записал Маковицкий. Поразмыслив над письмом, Толстой сказал, что Столыпин не имеет понятия об учении Генри Джорджа: «Генри Джордж — сторонник собственности. Он за обложение рентой земельной и за освобождение от податей труда, улучшение земли, построек...»

28 января 1908 года Лев Николаевич написал ответное письмо Столыпину. «Вы пишете, что обладание собственностью есть природное и неистребимое свойство человеческой природы, — говорилось в письме. — Я совершенно согласен с этим, но... истинное законное право собственности есть только одно: право собственности на произведение своего труда. Владение же землей при уплате за нее налагаемого на нее налога не делает владение это менее прочным и твердым, чем владение по купчим. Скорее наоборот».

Толстой считал, что Столыпин совершил две главные ошибки: начал насилием бороться с насилием, что привело только к разрастанию его масштабов, и приступил к проведению такой земельной политики, которая имеет в виду не умиротворение, а «утверждение земельного насилия». Толстой был уверен, что разрушение общины и насаждение мелкой земельной собственности не принесет мир в русскую деревню. Только такие меры, как признание земли «равной собственностью всего народа» и установление единого для всех налога, могут «успокоить народ и сделать бессильными все усилия революционеров, опирающихся теперь на народ». «Смелому, честному, благородному человеку, каким я вас считаю, — писал Толстой, — свойственно не упорствовать в сделанной ошибке, а сознать ее и направить все силы на исправление ее последствий».

Вместе с тем Толстой понимал, что Столыпин не вполне свободен в своих дей-